

С набережной Херсона к самой воде спускаются каменные сходни. Волны гуляют на истертых ступенях, заплескивают наверх, словно пытаются добраться до бортов старинного фрегата, распростершего тугие паруса над днепровской ширью.

Вознесенный на постамент бронзовый парусник — память о начале Черноморского флота, о былых славных сражениях под Наварином, Синопом, Севастополем. Я думаю об этом почти машинально, а перед глазами — залитая таким же ослепительным солнцем иная набережная, на каменных плитах которой застыл навечно подводный крест. В свежую погоду волны бухты Золотой Рог бьются о парапет, и ветер швыряет пенные хлопья на голубовато-стальной борт огромной субмарины.

пользовался как естественный док для ремонта парусников. — Это уже говорит Щедрин-историк.

Адмирал сел пониже, спортивная пузрысьм вздувается на широкой спине, ветер топчет короткий ежик волос, рвет и комкает слова. «В Петропавловске, — слышу я, — как только начинал полить, выходил в море на торпедных катерах. За один выход килограммов шесть веса как не бывало. — Он смеется, ощущая несоразмерность большого своего тела с юрким, катужно ревущим суденышком.

Порода Щедрина — крутой черноморской закваски.

Не здесь ли, в херсонском затоне, доживала свой век «Диоскурия», первая его шхуна, на палубу которой ступил он тринадцатилетним мальчишкой? С того памятного 26-го года и повязан он морем.

Херсон в его жизни — на особом месте. Здесь заканчи-

пус лодки. Течи не было, и о случае этом наврочь забыли, посчитав, что напоролись на топляк. Вспомнили уже на исходе войны, когда после жестоких боевых передышек израженную подлодку пришлось поднимать на стапель дока. А, подняв, увидели застрявшую в киле часть хвостовика торпеды. Тогда и вспомнили Акутан и не пришедшую в Полярный «Л-16». Следовало отдать чужой металл специалистам на экспертизу: уж очень характерным был обломок того стабилизатора, но Головки запретил, опасаясь осложнений с воевавшими рядом союзниками. Приказал заниматься делом. И он занимался, встав в один ряд с прославленными асами подводной войны Луиным, Фисановичем, Видяевым... Арсений Григорьевич Головки, командующий Северным флотом, писал в ту пору в дневнике: «Это по складу ума и дейст-

К 300-ЛЕТИЮ РОССИЙСКОГО ФЛОТА

Слово об адмирале Щедрине

Два памятника в разных концах необъятной страны разделены тысячами километров расстояний и бездной времени.

Не знаю, могут ли эти херсонские мальчишки, сидящие с удочками на бруствере набережной, представить в своем воображении собратьев бронзового фрегата, чьи звонкие паруса возносились некогда над желтыми берегами Дарданелл и лазурными водами греческого архипелага. Ушаков, Сенявин, Лазарев, Нахимов — имена эти почти ничего не говорят пока и моему сыну. Пройдет время, и, возможно, в его обогатившем памятью сознании свяжутся воедино история херсонского фрегата и подводной лодки «С-56», осады Севастополя и Петропавловска, штурм острова Корфу и десанта на Шумшу, судьбы адмирала Завойко и адмирала Щедрина. Хочется верить, что это произойдет, и слабый огонек сыновней любознательности разгорится со временем ярче. У сына все началось с фотографии. Из-за нее он и напросился со мной в Херсон.

...Военный фотограф сделал снимок на корабле. В объектив попала носовая часть подводной лодки с буруном от форштевня и крупная фигура человека на правом крыле рубки.

Человек в кожаном реглане — Герой Советского Союза капитан-лейтенант Г. И. Щедрин. Подводная лодка — та самая, знаменитая гвардейская «С-56», которой суждено будет стать памятником на Корабельной набережной Владивостока. Путь же в море ее командира, ныне вице-адмирала Григория Ивановича Щедрина, начинался отсюда, от днепровской набережной Херсона. Уйдя в отставку, он стал почаше наезжать к берегу своей молодости. На этом берегу стоим сейчас и мы, вглядываясь в зеленое море Заднепровья, откуда должна прийти лодка.

Моторка описывает круг по спокойной воде затона.

— До войны здесь было что-то вроде корабельного кладбища. Догнивали шхуны, дубки, разный деревянный хлам, — говорит Щедрин. — А для нас самое занятое место, — он усмехается и поясняет, как прыгал с такими же как и сам, ютцами с мачт в воду, и каждый норовил перед девчатами взобраться повыше.

— А вообще этот затон знаменит тем, что в старину ис-

пользовался как естественный док для ремонта парусников. — Это уже говорит Щедрин-историк. Адмирал сел пониже, спортивная пузрысьм вздувается на широкой спине, ветер топчет короткий ежик волос, рвет и комкает слова. «В Петропавловске, — слышу я, — как только начинал полить, выходил в море на торпедных катерах. За один выход килограммов шесть веса как не бывало. — Он смеется, ощущая несоразмерность большого своего тела с юрким, катужно ревущим суденышком. Порода Щедрина — крутой черноморской закваски. Не здесь ли, в херсонском затоне, доживала свой век «Диоскурия», первая его шхуна, на палубу которой ступил он тринадцатилетним мальчишкой? С того памятного 26-го года и повязан он морем. Херсон в его жизни — на особом месте. Здесь заканчи-

вал мортехнику, отсюда началась его морская одиссея, пока в 1935 году старпома танкера «Апшерон» Григория Щедрина с группой коммунистов Совторгфлота не мобилизовали по решению ЦК партии в подводный флот. Судьба, теперь уже военная, забросила его на Дальний Восток. В 38-м он уже командир «малютки», через два года принял «Щ-110» — «щуку». Завоевав на ней несколько призов, взял с экипажем первое место на Тихоокеанском флоте. Осенью 41-го, когда на западе вовсю полыхала война, в тодплав ТОФа передали новую лодку «С-56». Он стал ее командиром. Через год начался беспрецедентный, в 17 тысяч миль, переход шести подлодок с Тихого океана в Заполярье, на северный морской театр войны. Из шести подводных кораблей до Полярного дошли пять. Памятник «Л-16», торпедированной после выхода из Датч-Харбора неизвестной субмариной, установлен в сквере Боевой Славы в Петропавловске.

— Выход лодок из Петропавловска и Владивостока держался в строжайшем секрете. О том, что впереди нас следуют два «Ленинца», мы узнали от пьяной матроски в Датч-Харборе. Союзники язык за зубами не держали. — Щедрин мрачнеет. Тайну трагической гибели «Л-16» он несет через всю жизнь как неизлечимую боль. И холод у сердца при одной лишь мысли, что рядом с памятником «Л-16» мог бы стоять и другой — экипажу «С-56».

Несколько лет спустя после той херсонской встречи мне довелось побывать в Датч-Харборе, постоять на полуразрушенном пирсе, где осенью 42-го года швартовались советские субмарины. На берегу шелестели на резком ветру высохшие травы, скрывая вросшие в землю бетонные коробки дотов. Слепые их амбразуры были обращены к заливу, где вдалеке в сверкающей водной ряби чернел бившийся нос погибшего транспорта. Японцы бомбили Датч-Харбор в июне 1942 года, за четыре месяца до прихода сюда наших подлодок. Так что Щедрин, наверно, видел этот форштевень затопленного судна, словно предупреждавший о том, что может ожидать их в океане.

Тогда в проливе Акутан, по выходе между Алеутскими островами в Тихий океан, они ощутили резкий удар в кор-

виям — подводник-новатор, и в дальнейшем росте его я не сомневаюсь...».

За Днепром, на даче бывшего военного моряка Павлина Викторовича Рудометова, готовятся к церемонии. Старые друзья вяжут на фалах нужные узлы, звучит команда, и по металлическому штоку торжественно поднимается полотнище военно-морского флага. Это сделано в честь приезда Щедрина. Он взволнован и растроган.

У него много друзей. Пишут боевые соратники, которых с каждым годом становится меньше. Пишут бывшие сослуживцы с Черного моря, Балтики, североморцы, тихоокеанцы, камчатцы.

— Как музей? — интересуется он. Петропавловский музей Боевой Славы — детище Щедрина, несколько лет командовавшего Петропавловской военно-морской флотилией. За музей он получил в свое время выговор, которым и сейчас гордится. Высшее начальство не очень одобряло нештатные увлечения адмирала, искавшего следы старинного флотского госпиталя в Малках, захоронение адмирала Прайса на берегах Тарьинской губы, тратившего отпускное время на работу в архивах. Но с мнением начальства Щедрин, похоже, мало считался, поскольку основное, воинское, ремесло, не забывал, да и характером не был обижен. Человек, преданный отечественной истории, он высоко ценит роль флотских традиций и как истый моряк глубоко понимает смысл русской морской символики. Но связать прошлое с настоящим ему в то время по известным причинам было нелегко. Адмирал мечтал, но не смог возродить в городе День памяти, праздновавшийся здесь вплоть до революции. И единственным историческим праздником, который он подарил там, петропавловским пацанам, было открытие памятника героям батареи Александра Максимова на Никольской сопке в честь 100-летия обороны города от англо-французских интервентов. Памятник этот — тоже щедринский след на камчатской земле. Позже он напишет книгу «Петропавловский бой», где проследит судьбу юного черноморского гардемарина Василия Завойко ставшего адмиралом российского флота. Их судьбы, отложившиеся в разных годах времени, во многом схожи.